

0 790143

На правах рукописи

УСТИНОВА
Наталья Александровна

**ПИЩЕВОЙ КОД
ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ:
ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ**

Специальность 10.02.01. – русский язык

Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Томск – 2011

Работа выполнена на кафедре русского языка филологического факультета ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
доцент
Калиткина Галина Васильевна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор
Шелепова Людмила Ивановна

кандидат филологических наук,
доцент
**Серебренникова
Анна Николаевна**

Ведущее учреждение: ФГБОУ ВПО
«Кемеровский государственный университет»

Защита состоится 26 октября 2011 г. в _____ часов на заседании диссертационного совета Д 212.267.05 при ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ФГБОУ ВПО «Национальный исследовательский Томский государственный университет» по адресу: г. Томск, пр. Ленина, 34а.

Автореферат разослан 20 сентября 2011 г.

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000680009

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук,
профессор

Л. Захарова

Л.А. Захарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Реферируемая диссертационная работа создана в рамках этнолингвистики.

Современная европейская этнолингвистика представлена французским, польским, российским направлениями, зародившимися в сер. XX в. Российская ветвь опирается на работы А.А. Шахматова, С.Ф. Карского, Д.К. Зеленина, Н.П. Гринковой, Б.А. Ларина, Н.С. Трубецкого. В дальнейшем ее развитию и самоопределению во многом способствовал Н.И. Толстой, написавший в 1982 г. программную статью «Некоторые проблемы славянской и общей этнолингвистики», переизданную в 1995 г. под заголовком «Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин».

Основные задачи дисциплины лежат в сфере изучения взаимосвязи языка и духовной культуры, языка и народного менталитета. Современные этнолингвисты (С.М. Толстая, Е.Л. Березович, А.С. Герд, Г.И. Кабакова, Е.Е. Левкиевская и др.) помимо языковых показаний используют в исследованиях и внеязыковые данные. Язык трактуется ими как инструмент ментального упорядочения мира. Общепризнанным является междисциплинарный характер этнолингвистики, которая граничит с языкознанием, этнографией, социологией, паралингвистикой, мифологией, диалектологией.

Актуальность темы представляемой диссертации определяется рядом моментов. Объект современного языкознания изменился по отношению к его классическому периоду, и в связи с этим отечественными учеными выдвинута задача масштабного исследования взаимосвязи понятий «русский язык», «русская картина мира», «русский менталитет». В мире, испытывающем давление процессов глобализации, «обретение самостождественности своего народа» (Ю.Н. Караулов) может опираться только на ясное понимание языка как культуроформирующей силы.

Граница между языковой и культурной семантикой не является четкой, она не установлена «раз и навсегда» (С.М. Толстая), завися от трактовки термина «семантика слова», от включения в его объем коннотативных компонентов. Сопряжение собственно языковых и культурных смыслов может дать новое постижение ментальности этноса, сути человеческого понимания мира.

Пища (питье), а также процессы ее приготовления и потребления представляют денотативную сферу, обеспечивающую витальные потребности человека. Это обстоятельство не может не иметь выхода на уровень культурной символизации, идентификации и самоидентификации нации, на уровень ее менталитета. Актуальным становится решение вопроса о том, какие смыслы кодируются элементами пищевой традиции (далее – ПТ), какие механизмы когниции репрезентированы в оязыковлении пищевой концептосферы.

Диалектная языковая картина мира (далее – ЯКМ) складывается в достаточно замкнутом культурно-языковом сообществе и избегает нивелирования и искажения в результате кодификации. Это обусловило выбор объекта представляемой этнолингвистической работы. Диалектный язык, закрепляя пище-

вую концептосферу ТК, при этом проявляет универсальные когнитивные схемы.

Объектом исследования становится один из фрагментов русской диалектной ЯКМ, ограниченный концептуальным пространством «пищевая традиция» и актуализованный в диалектном дискурсе с помощью языковых ресурсов русских старожильческих говоров Среднего Приобья.

Предмет исследования – сложный феномен пищевого кода (далее – ПК), который зависит от социокультурных особенностей соответствующей дискурсивной практики и реализуется (в том числе) в семантической системе диалекта.

Цель исследования заключается в этнолингвистическом описании механизма пищевого кодирования разнородных семантических оппозиций традиционной культуры (далее – ТК).

Данная цель обусловила конкретные **задачи** исследования:

1) сформировать понятийный аппарат исследования и уточнить объем базовых терминов «пищевой код культуры», «оппозиция «свой» / «чужой (иной)» мир», «полумплицитная семиотическая (семантическая) оппозиция культур»;

2) проанализировать механизм формирования ПК, его структуру;

3) выявить потенции и реализации языкового и внеязыкового уровней ПК в воплощении оппозиции ТК «свой / чужой» мир;

4) описать способы подтверждения свойственности миру и вхождения в «чужой» и «иной» мир при помощи языкового и внеязыкового уровней ПК;

5) охарактеризовать роль алкоголя как специфического символа ПК в организации семиотического пространства ТК;

6) обосновать оязыковление «алкогольной части» ПК как концептуализацию «иномирия».

Исследование проводится на **материале** русских старожильческих говоров Среднего Приобья, изучаемых Томской диалектологической школой с кон. 1940-х гг. Первичные записи речи диалектоносителей легли в основу среднеобского архива. Переработанные материалы представлены серией разнотомных многотомных словарей.

В качестве дополнительных источников использовались данные «Словаря говоров Сибири» (1999–2006) и «Словаря русских народных говоров» (1965–2006).

Методы и приемы исследования. Основным в исследовании стал общенаучный описательный метод, который реализуется в ряде приемов – выборке, интроспекции, классификации, систематизации материала. Для данной работы актуальными были также приемы дефиниционного (семного) анализа и группировки по идеографическому принципу единиц, соответствующих разным признакам концептов, а обращение к диалектному дискурсу сделало необходимым и контекстный анализ, и этнолингвистическую интерпретацию. Вспомогательный характер носило привлечение этимологических данных, обусловленное способностью лексических единиц кумулировать пред-

шествующий опыт функционирования, иными словами, их «культурной памятью» (Е.С. Яковлева).

Научная новизна исследования. Впервые через феномен ПК рассмотрено соотношение кода культуры с порождающей его денотативной сферой, обоснована полевая структура кода культуры, выявлены закономерности, определяющие иерархию его символов, характер и природу связи между ними, аргументировано положение о том, что включение языкового уровня кодирования обеспечивает ядерный статус символов кода.

Впервые на материале семантической системы диалекта и диалектного дискурса описаны потенции и роль ПК в реализации общесемиотической оппозиции «своего» и «чужого» миров ТК. Впервые выявлено и описано соотношение концептов русской ТК «чужой» мир и «иной» мир, репрезентирующих один из полюсов бинарной оппозиции. Вскрыты и проанализированы способы языковой объективации «иномирия», а также способы их сопряжения с внеязыковыми механизмами кодирования.

Научным вкладом в этнолингвистику стало разделение символов ПК ТК, преимущественно связанных с моделированием «своего» и «иного» мира. Описаны общенациональные константы и локальные вариации в кодировании данной семантики. Доказана роль ПК в реализации гетерогенного ряда семантических оппозиций ТК.

Теоретическая значимость диссертационного исследования заключается в дальнейшей разработке и уточнении понятийного аппарата отечественной этнолингвистики, в описании механизма отбора элементов ПТ в символы ПК для обозначения внеположных денотативных сфер, в выявлении изофункциональности семиотической оппозиции «пища / алкоголь» оппозициям «свой / чужой» мир, «день / ночь», «работа / гуляние», «хлеб (зерно) / алкоголь».

Практическая значимость исследования. Собранный материал и результаты диссертационного исследования могут быть применены в теории и учебно-педагогической практике – в преподавании лексикологии, диалектологии, этнолингвистики, лингвокультурологии, а также в спецкурсах и спецсеминарах.

Сделанные в работе наблюдения могут быть использованы при составлении диалектных словарей различного типа, но прежде всего этнолингвистической и лингвокультурологической направленности.

Положения, выносимые на защиту:

1) Элементы ПТ этноса, отмеченные экстраутилитарными функциями, создают ПК культуры, репрезентированный на языковом и внеязыковом уровнях. Его символы организуются по принципу поля. Ядро представлено одновременно языковыми и внеязыковыми реализациями, периферия оказывается одноуровневой. Большая часть символов ПК оязыковлена, в силу чего может быть исследована методами лингвистики.

2) В рамках ТК ПК востребован для репрезентации ряда семиотических (семантических) оппозиций, структурирующих действительность. Наиболее

высокий уровень абстракции среди них занимает оппозиция «свой / чужой (иной)» мир. ПК объективирует раздвоенность его правого члена. ПК позволяет выявить оппозиции более низкого уровня, которые также связаны с семантикой свойственности / чуждости.

3) Ядерные символы ПК в ТК – хлеб (зерно) и алкоголь – оказываются изофункциональными на внеязыковом (вещном) уровне кода при подтверждении свойственности человека миру и при временном или постоянном включении в «свой» мир чужака. На языковом уровне кода их роль не тождественна: концептуальная область *хлеб (пища)* репрезентирует созидание «своего» мира и активность человека в нем, алкоголь концептуализируется как средство существования и функционирования иномирия и способ вхождения в него человека.

4) Языковая объективация иномирия в сопряжении с внеязыковыми способами кодирования вскрывает его концептуализацию как переворачивание «своего» мира. Это «антиобыденность», где разворачивается «антибытие» «античеловека», это сфера реализации «антинормы», которая репрезентирует норму «своего» мира носителей русской ТК.

Апробация работы. Основные положения диссертации изложены в виде докладов на региональных научно-практических конференциях студентов, аспирантов и молодых ученых филологических специальностей (Томск, 2007, 2009, 2010), на конференциях студентов и молодых ученых (Новосибирск, 2006, 2007), II региональной научной студенческой конференции «Дни науки» (Красноярск, 2007), XII филологических чтениях имени профессора Р.Т. Гриб (Красноярск, 2007), международных научно-практических конференциях научной сессии «Невские чтения» (Санкт-Петербург, 2007, 2008, 2009, 2010), Всероссийской научной конференции с международным участием (Омск, 2008), II Международной научной конференции «Развитие языков и культур народов Сибири в условиях изменяющейся России» (Абакан, 2008) и отражены в 12 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, сформулированы объект, предмет, цель и задачи исследования, определены новизна работы, ее теоретическая и практическая значимость, представлены методы и материал исследования, сформулированы положения, выносимые на защиту.

Первая глава «**Пищевой код как интерпретация пищевой традиции**» посвящена описанию механизма семиотизации ПТ через кодирование ее элементов.

§ 1. Коды культуры. Если феномены культуры рассматривать как факты коммуникации, то понять их можно лишь в соотношении с каким-то посредником. Им выступает культурный код – «система знаков (знаковых тел) ма-

териального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов» [Гудков, Ковшова, 2007: 9]. Разные фрагменты мира становятся основой кодов культуры, которые в определенном смысле едины по своему содержанию, так как описывают мир с позиции человека. Культурные коды гарантируют неуничтожимость основных культурных особенностей нации и отражают специфические признаки определенной культуры.

Объем понятия «код культуры» в современных направлениях отечественного языкознания не совпадает. В узком смысле термин понимается как способ обращения со значением. Данной точки зрения придерживаются лингвокультурологи (см. работы В.Н. Телия, Г.В. Токарева, В.В. Красных и др.). Более широкая трактовка культурного кода выработана в рамках этнолингвистики. Культурный код – это знаковая реализация архетипов сознания (см. работы С.М. Толстой, Г.А. Левинтона, Т.И. Вендиной, Е.Л. Березович и др.). При таком подходе коды реализуются не только на уровне языка (в языковых текстах), но и в других текстах культуры.

Язык все же занимает особое место в системе кодирования, поскольку может быть как самостоятельным элементом системы культурных кодов, так и ее метакодом. Статус языка вытекает из его природы и роли среди других феноменов культуры. Он является средством глубокого проникновения в культуру и инструментом ее анализа.

§ 2. ПТ и ее символические потенции. ПТ понимается нами как исторически сложившиеся формы деятельности и поведения, связанные с добытыванием, приготовлением, приемом пищи, в совокупности со знанием людей об элементах культуры питания, опытом сохранения и передачи этих действий и знаний из поколения в поколение. Эта сущность, порожденная культурой, имеет несколько уровней: от физиологического до эстетического и от сакрального до профанного.

Компоненты ПТ, с нашей точки зрения, соотносятся друг с другом по принципу поля. Ядро представлено собственно пищей – веществами и объектами, которыми питаются (едят и пьют), – и их номинациями. Приядерная зона организована инструментами для приготовления и хранения пищи и их номинациями; периферия – процессом трапезничания (временем приема пищи, порядком ее подачи и поглощения, составом блюд и т.д.); дальняя периферия сформирована представлениями о прагматических и символических функциях вещных и акциональных элементов ПТ.

Символические потенции элементов ПТ велики. «Пищевое поведение» способно не только выявлять склонность человека к аскезе или, наоборот, к материальным благам, но и устанавливать границы между человеком и нечеловеком. Через трансформацию понятия «разрешенное для поедания и питья» в культуру вводится идея профанного и сакрального, «своего» и «чужого» миров.

§ 3. ПК как один из способов интерпретации ПТ. Факты семиотизации элементов ПТ при условии выполнения ими экстраутилитарных функций в ритуальной практике и крестьянском быту мы рассматриваем как механизм

кодирования. Это условие определяет превращение отдельных элементов в символы ПК. У символа есть план выражения и план содержания. С помощью кода и задается содержание, а интерпретация содержания означает его **раскодирование**. **Кодирование** – это демонстрация и трактовка, осмысление результата отношений между строевыми единицами кода.

ПК является одним из способов интерпретации традиции, т.е. ее составной частью. Следовательно, **строевые единицы ПК и элементы ПТ вступают между собой в отношения включения**.

§ 3.1. ПК и национальные символы. Русская ПТ дала ряд национальных символов, и наиболее значимыми предстают зерновые производные – хлеб, каша и квас. Однако роль кваса почти не выходит за рамки повседневной действительности, оставаясь алиментарной, и этот элемент не становится символом ПК.

Каша же имеет исключительное значение в рамках ритуальной сферы ТК. Особая семантическая нагруженность данного элемента ПТ приводит к его вхождению в языковую часть ПК. Лексема *каши* функционирует в составе связанных выражений, часть из которых актуальна и для среднеобских говоров: *Внук хулиганит, на днях такую кашу заварил!*

Каша оказывается одним из немногих блюд, для которых язык предусматривает изготовителя – *кашевара*. Сопоставимые номинации *маслодел*, *салотоп*, *сыровар* и т.д. являются терминами производственной сферы, развитой лишь в XX в. Поскольку внутренняя форма номинаций *повар* (*повариха*) и *стряпка*, *стряпуха*, *стряпча* не объективирует род производимой пищи, то выделенной на языковом уровне оказывается лишь *каша*. Именно каша как символ ПК начинает развивать семантику ‘пища вообще’ после хлеба.

Значение и функции национальных пищевых символов не совпадают полностью со значением и функциями символов ПК. Различия существуют не только на уровне их участия в ритуалах, но и на уровне использования в их объективации языка.

§ 3.2. Время как фактор, организующий процесс символизации (кодирования). Далеко не все элементы ПТ могут символизировать что-либо за ее пределами, соответственно, кодировать те или иные проявления действительности. Достаточно поздно включенные в русскую ПТ элементы менее всего подвержены «обрастанию» новыми смыслами, оставаясь собственными фрагментами действительности с их прагматическими функциями. Тексты диалектного дискурса не вскрывают какой-либо коммуникативной выделенности соответствующих номинаций: *Жаркое* – *ломотики режешь, жир растопишь и жарышь*; *И торте* [на празднике] *были шибко хороши все*; *У Гутьки мясорубка от стола не отвёртывается. Конечно, они сколь скотины держут!* Напротив, пища и утварь, с давних пор присутствующие в ПТ среднеобских старожилов, нередко приобретают экстраутилитарное значение. Несмотря на «срастание» с повседневной профанной действительностью, хлеб, молоко, соль, горшок обладают культурной маркированностью.

§ 3.3. Избирательность ПК. Культурная интерпретация мира осуществляется таким образом, что однопорядковые сущности приобретают различия в способности наполняться вторичной семантикой. Это подтверждает и анализируемый материал ПК. Например, среди всех номинаций ягод в говорах Среднего Приобья вторичной смысловой нагруженностью обладает лишь *малина*, выступающая символом безбедного, «сладкого» существования (*Это сейчас не жисть, а малина*). Остальные ягоды и их номинации так и не стали частью ПК. Подобная избирательность касается и периферийных элементов ПТ. Среди номинаций разного рода кухонной утвари и инструментов в ТК русских старожилов высокой символической значимостью нагружены *чашка, ложка, горшок*.

§ 4. Уровни ПК. ПК имеет сложный гетерогенный характер: он состоит из языковых и неязыковых символов. В его ядро входят символы, функционирующие как на вещном, так и вербальном уровне (сами предметы и их номинации). Периферия представлена теми знаками, которые релевантны только на одном из данных уровней.

На основании семантической разработанности, коммуникативной выделенности и способности формировать основные семиотические оппозиции культуры к ядру среднеобского ПК следует отнести зерно и зерновые изделия.

Хлеб в ТК обладает наиболее сложными конфигурациями оппозитивных смыслов. Знание о трудоемкости и длительности его изготовления сопрягается с представлением о нем как элементарной первооснове бытия, синкретичной с водой (*жить на хлебе и воде*). Хлеб символизирует как объединение членов общины (*хлебосодельничать, благодарный хлеб*), так и разъединение (*отрезанный ломоть, брошенный кусок*). Кроме того, этот символ способен обозначать самого человека (*аржаной, заскребыш, квашня, сдобный, сухарь* и т.д.) и пищу как таковую (*Они идут работать, хлеб зарабатывать*).

Периферия ПК представлена двумя ситуациями.

1) Языковая единица может являться символом только вербального уровня кода. Так, устойчивое сочетание *кусок хлеба* в большинстве текстов среднеобского дискурса имеет значение 'средства к существованию, в том числе и пропитанию': *Семь лет живём, куска хлеба нет*. Ср.: *Там кусков столько хлеба натаскали, сухарей и всего*.

2) Символ ПК может функционировать только на предметном уровне кода. Прежде всего это ритуальные блюда, которые являются яркими маркерами сакрального времени: *На Пасху у нас пекли, называлась пасха, кулич*.

Важность включения языкового уровня (независимо от ядерной или периферийной части кодового механизма) для функционирования культуры, по нашим наблюдениям, доказывает тот факт, что на оязыковленную часть ПК приходится большее число символов.

Вторая глава «Механизм действия ПК в означивании семиотической оппозиции "свойственность / чуждость"» посвящена преимущественно одному из символов ПК – алкоголю.

§ 1. Алкоголь как специфическая часть пищевой традиции. Алкоголь, вырабатываясь в классической русской ТК преимущественно из зерна, развил оппозицию главному производному зерна – хлебу. Употребление алкоголя в большинстве культур сопровождается ярко выраженными правилами, предписаниями, запретами и условностями, иными словами, данная область ПТ предельно нагружена культурной семантикой. В рамках ТК алкоголь прямо маркировал социально значимые события и ритуальную жизнь общины, отношение к нему было связано и с конфессиональными моментами.

§ 2. Дуальная (бинарная) организация культуры. К сер. XX в. большинство ученых разделяют мысль К. Леви-Стросса о дуально организованных бессознательных структурах классифицирующего мышления. Всякое проявление мира (на уровне сущностей, их атрибутов, действий и состояний) предполагает, с точки зрения познающего мир субъекта, свою «зеркальную» противоположность, античерту.

Напряжение человеческого организма ради удовлетворения витальных потребностей в древних цивилизациях было настолько велико, что требовалось на некоторое время забыть о нем, поскольку уничтожить его было невозможно. Это «забвение» вызывают намеренно при посредничестве нескольких рядоположенных инструментов, среди которых в европейских ТК главное место занимает алкоголь. Порожденное им специфическое состояние сознания является «отвлечением от насущных забот о дневном пропитании» [Степанов, 2001: 229]. В данной формулировке акцентируем ряд принципиальных моментов:

1) эксплицированная оппозиция «пища / алкоголь», которая подчеркивает их противопоставленность не только в современной культуре. Она является культурной константой. Языковую концептуализацию их глубинного тождества в диахронии доказывает один и тот же и.-е. корень **poi- // pi-* со значением 'пить, поить, вскармливать'. В старославянском и древнерусском языках он дает единицы *пишта, пища*.

2) полумплицитированная оппозиция «день / (ночь)». День в русской ТК, тесно связанной с христианством, осмысливается как символ времени, наполненного реальными, житейскими заботами. Вместе с тем данный член оппозиции имплицитно отсылает и к другим противопоставлениям, выработанным в ТК: «свет / тьма»; «этот / тот (иной, другой) мир». Следовательно, на этом уровне возникает семантика иномирия.

Если профанный (обыденный) день, «свой» (светлый) мир связан с пищей и ее ядерным элементом – хлебом (зерном), то алкоголь устанавливает символические связи с «чужим» («иным», темным) миром.

§ 2.1. Приготовление пищи и алкоголя как способ создания «своего» и «чужого» мира. В говорах Среднего Приобья языковую концептуализацию процесса созидания репрезентирует лексическая парадигма: *самодельный, сведельный / сведельшинный / сведелешинный, со своей руки, своим трудом / своей силой / свои музальём*. Творя пищу, человек не только поддерживает свою телесность, но и творит «свой» мир, выступая в нем действующим

субъектом. Однако ТК, будучи целостной системой жизнеобеспечения, требует от создателя полноты творимого мира. *Делать из своих рук ему приходится всё, и любое неумение оценивается отрицательно: Вот Вера Прокофьевна – ох, она была мастерица гнать самогонку! А от мама у меня не умела. А та наладит, и бежит, как ручеек.*

Применительно к ПТ в среднеобских говорах функционирует ряд предикатов разной частотности с общим значением 'творить, создавать': *варганить, варить, гнать, делать, заводить, затирать, квасить, курить, ладить, сидеть, ставить*. Они называют действия синтетического типа: *Попросил одну старуху: сделай мне брагу. Она мне наладила брагу*. Вместе с тем создание человеком алкоголя порождает «чужой» мир, в котором «работает» (*бродит, киснет, квасится* и пр.) приготовляемый продукт. Его «работу», инициируемую человеком, приводит к тому, что сам человек превращается в пассивный объект деятельности в «чужом» мире.

§ 3. Соотношение концептов чужой, иной. Оппозиция свойственности / чуждости является одним из фундаментальных противопоставлений, бытующих в «наивной» КМ, – это способ «естественного», «донаучного» видения и трактовки действительности в индивидуальном и коллективном мироощущении.

Данная оппозиция возникает и развивается на разных основаниях. В рамках русской ТК она мыслится в том числе как противопоставление земного мира людей и потустороннего мира мертвых, соотносясь с концептами *этот и тот свет; жизнь и смерть*. В теоретический гуманитарный дискурс концепт *чуждости* в этом случае нередко входит под именем иномирия. Исследователи аспектируют разные его стороны, в целом определяя иномирие как переворачивание «своего» мира: оно беззвучно, безлико, безымянно, лишено запаха, времени и т.д. (см. работы Д.К. Зеленина, М. Элиаде, Н.И. Толстого, С.М. Толстой, Т.В. Цивьян, Ю.С. Степанова и др.).

В диссертации использованы оба терминообозначения, поскольку представляется, что они по-разному аспектируют концептуальную область, противопоставленную «своему» миру носителя ТК. Члену оппозиции «свой» противостоит раздвоенный концепт: не только «иной» (другой, перевернутый, обратный), но и «чужой» (неприсвоенный).

«Чужой» мир онтологически и содержательно не отличается от «своего», в нем живут такие же люди и совершаются те же действия в рамках такой же повседневности. Он лишь не присвоен человеком: *Она сиротой осталась, племянница моя. Мать-то умерла у ей, она маленька осталась! <...> Ну и... она на крыльцу-то села, да прямо плачет там-ка: «Да мамочка, да взяла бы ты меня с собой, ой!» – а мне так жалко. «Взяла бы меня с собой: я живу как не знаю кто, для всех чужд!»*. Ср.: *Свои шибко меня звали, когда ехали*.

§ 4. Повседневность как «лицо» «своего» мира. Повседневность связана со следующими пластами смыслов: она знакома, обычна, безопасна, рутинна. Деятельность в ее рамках описывает понятие «привычка». Повседневность присвоена каждым до конца. Субъектом этого отношения присвоения

выступает человек или объединения людей (общины, коллективы, страты). С другой стороны, содержанием признака 'свой' не всегда является посессионность. *Свой* трактуется также как нормальный, правильный, естественный, полноценный.

§ 4.1. ПК в аспекте подтверждения свойственности. Свойственность миру требует постоянного обновления и подтверждения, в том числе и на уровне связей сообщества. Потребность в этом удовлетворяется при помощи разных механизмов, и для малых сообществ одним из наиболее значимых является коллективная трапеза. Совместное употребление пищи представляет собой культурную универсалию, воспроизводимую разными народами в течение тысячелетий. При этом коллективность трапезы определяется вовсе не числом участников, а ее предназначением: присутствие за общим столом автоматически включает человека в какой-то круг или группу.

Застолье является ядерной составляющей социальной и общественной жизни в ТК и частично сохраняет эту роль в современной цивилизации. В среднеобском диалекте полисеманты *застолье* и *стол* имеют практически общий набор ЛСВ: (а) 'сама пища, угощение' (*На блины – это стол делают, блины вот стряпают*), (б) 'ритуал принятия пищи' (*И вот, кто сколько кидает в тарелку, тот больше всех сидят в застолье*), (в) 'участники обеда' (*Много прямо, целю застолье было у нас, собралось; Шестой стол уже вылезли*). Последний семантический перенос весьма важен: его наличие эксплицирует не только утилитарную, но и социальную функцию пищи.

Еще более красноречив в диалектной ЯКМ фрагмент, вербализующий подготовку к трапезничанью. В среднеобских говорах низкочастотными оказываются общерусские конструкции *накрыть (на) стол, накрыть (на) завтрак (обед, ужин)*. Их замещают *ставить (выставить) на стол, наладить (на) стол, направить (на) стол, собрать (на) стол*. Кроме ЛСВ 'поставить, выставить, приготовить для еды', некоторые из них еще имеют значение 'приготовить пищу'. Компонентный анализ данных глаголов показал и наличие в них общей семы 'творить', что концептуализирует созидание «своего» мира через посредничество пищи и трапезы (застолья). Подобная организация семантического пространства этой лексической парадигмы вскрывает сопряжение пищи, нормы и созидания: *На стол всё наладили и всё, меня вот суды посадили, я посидела; А он тдмо-ка пособил столы направить*.

Коллективная трапеза играет ведущую роль во многих обрядах. Именно она маркирует их ранг. В этом смысле изофункциональны главный ритуал перехода – свадьба – и главное коллективное застолье – свадебный пир.

Номинации этапов и элементов нормативного проведения свадебного и поминального обрядов, создаваемых именно локусом трапезы, в среднеобских говорах актуализуют лексему *стол*: *молодухин стол, стряпкин стол, похмельный стол, вывести из-за стола, выйти замуж из-за стола, горячий стол* и др.

В рамках ТК застолье может быть развернутым (*полный стол*) и редуцированным – с присутствием двух основных составляющих: алкоголя и, как

правило, сладостей: *В обед делали полный стол: мясное, рыба, щи, мясо жареное, картошка, а хлеба мало делали; Потом в церкви венчались. К жениху повезли. Потом столовали, вино пили, печенье ели.*

§ 4.2. Подтверждение свойственности участниками коллективной трапезы. Идентифицирующая и дифференцирующая функции застолья заключаются в выражении определенных отношений между участниками. Среди них описаны (1) социально-статусная оппозиция участников обрядового пиришества, предполагающая определенное поведение во время трапезничания; (2) гендерная оппозиция участников застолья; (3) их возрастная оппозиция.

Основная культурная оппозиция застолья «хозяин / гость» является вариантом реализации противопоставления «свой / чужой». Древнейшие способы включения чужака в группу подразумевали совместное использование не только крова, одежды, но и пищи, алкоголя.

§ 5. Наделение пищей (алкоголем) как включение в «свой» мир. ПК активно участвует в подтверждении свойственности члена группы и присвоении чужака через наделение пищей (алкоголем). Для того чтобы пищу разделить с кем-либо, ее получают / передают. Язык репрезентирует различные способы наделения пищей другого через предикаты *кормить, дать, ставить, питать, потчевать, угощать*, отсылая как к «свободным», так и к ритуализированным в разной степени практикам трапезничания.

В семантике данных глаголов оппозиция «своего / чужого» эксплицирована в разной мере. Наиболее затемнена она в глаголе *кормить* ‘давать корм тем, кто не способен самостоятельно питаться, содержать на своем иждивении’. С одной стороны, процесс кормления обеспечивает витальные потребности живого существа. С другой, он трактуется как ежедневный, обыденный, профанный, т.е. характерный для «своего» мира: *Мать одна, не может итработать, а надо ведь кормить, надо идевать.*

Наиболее явно актуализована в глаголе *потчевать*, этимологически связанном с лексемой *честь*. Во-первых, чествуют, отчуждая (отделяя, выделяя) таким образом человека от группы. Во-вторых, чествование – это процедура, выходящая за рамки профанной обыденности. Оказывая честь другому, человек сближается с чужаком, делая его своим, в том числе и через потчевание: *Николай говорит: «Ты сама пьяна, а Лиза трезва. Ты, наверно, как эта... лиса... Журдав ли лисицу ли чё ли потчевал? Сама пила, а её, наверно, мало подавала ей».* Люди из «своего мира» находятся рядом, в одном пространстве. Постоянно находящихся в своем локусе потчевать невозможно.

§ 6. Особый статус гостя как неприсвоенного чужака. Пища и алкоголь как способ его присвоения (предикат *угостить*). Лексическая единица *гость* занимает маргинальное положение между семантическим полем *чужих* и *своих*. Гость объединяет «свой» и «чужой» миры даже на уровне действия: *В мэтээсе есь родня. Свои нам, а не разговаривам. Дед Ефим обидел, век не забуду. Ефим не ходит к нам совсем, я к ним тоже редко хожу.*

Гость – это «чужой», проникший в «свое» пространство и временно включенный, *принятый* в него. Временное включение обозначается номина-

цией с прозрачной внутренней формой – *гостеприимство*. Дискурсивные данные говорят об устойчивой связи приема чужаков с наделянием их пищей, точнее, о механизме разделения / неразделения пищи с хозяевами: *Принимает гостей хорошо, чаем напоит – гостеприимчатый, говорят, человек. А который и к столу не пригласит, тот не гостеприимчатый.*

Принципиальна синонимия единиц *гостеприимство* и *хлебосольство* в общенациональном языке, несмотря на то, что в среднеобских говорах нет лексем *хлебосольство* и *хлебосол*, а глагол *хлебосольничать* имеет значение ‘воспроизводить этикетную речевую формулу при входе в дом, где трапезничают’: *Хлебосольничать – это как заходят в избу, помолишься и говоришь: «Хлеб да соль». Они едят. «С нами садитесь ись». Всегда примут, накормят.*

ТК различает способность человека *быть гостем, гостить* у кого-либо даже на уровне кровнородственных связей. Несмотря на близкое родство, мать (отец) / дети также могут стать гостями, поскольку в определенный момент жизни они перестают занимать одно и то же пространство и употреблять одну и ту же пищу, а единство многоколенных крестьянских семей закреплялось именно общими трапезами: *Из хлебной чашки хлебали все вместе, отдельных-то не было, у нас одна была большая.* Родные по крови или породнившиеся в результате брака люди могли быть ‘чужими’ в доме, не ‘своими’, перестали ‘заполнять’ своим присутствием обыденность, либо никогда ее не ‘заполняли’. Поскольку обыденность присвоена полностью и в ней не может быть чужаков, то пришедшие становились гостями: *У матери гостила: Один внук сейчас гостит.* Отметим связь пространства и чуждости: чем больший путь проделывает чужак, ставший гостем, тем обязательнее и обильнее пища: *Гостей ждёшь, как не угостишь, ждёшь на день рожденья, пожаришь, постряпашь и угостишь угощеньем.*

Угощение, подаваемое для включения чужака в ‘свой’ мир, маркировано в среднеобских говорах отдельной номинацией *гостиная еда*. Такая пища отчуждает ситуацию от повседневности, которая одновременно является одним из обликов ‘своего’ мира: *Правда говорят, гостиная еда по порогу. Уже и ись хочу.* Порог – это сильная граница ‘своего’ мира, за пределами которого даже еда перестает выполнять одну из своих основных функций – насыщение. После прохождения данной границы теряется и признак совместности трапезничания. Следовательно, отменяется и свойственность миру этого локуса, и действие его законов.

Вместе с тем связь ‘своего’ и ‘чужого’ миров устанавливает не только еда, но и алкоголь: *Вот если приехал какой-нибудь, всё изоставь, а вина не будет – это не угощенье.*

§ 7. Мотив платы как одного из способов присвоения в ПК. Часто включение в ‘свой’ мир является двусторонним – оно подразумевает обмен, который уже лишен свойства ‘равноправности’ и приближается по своей культурной семантике к плате, воплощением которой мог быть алкоголь.

Так, многие этапы свадьбы подразумевают выкуп, задаток, дар одной семьи (рода) другой через организацию полного или редуцированного застолья

с присутствием алкоголя: *Есть водочка, водочку выпьют сразу после сватовства; На другой день после девичника противают косу; А заваливают ворота [перед свадебным поездом]. Хоть кто, кому выпить охота. А дружка этого не касается.*

Почти обязательно за коллективное участие в работе в пользу какого-либо члена крестьянской общины (*помочи*) угощали спиртным. Это застолье называлось *отпой*, *отпойка*: *Три-четыре помочи. Я любила по помочам ходить. А мы хотели без отпою; Отпойку сделаешь, вот как а быват помочь.*

Плата алкоголем развита и в повседневной действительности: *Бутылку купила да и за долги отдала.*

Линия дар (обмен дарами) – выкуп – плата, которая выстраивается в результате действия ПК, манифестирует все возрастающее отчуждение человека принимающего их, предполагая: (а) безвозмездную отдачу чего-либо из «своего» мира; (б) сохранение каждой стороной неизменности «своего» мира при замещении материального равноценным; (в) увеличение «своего» мира заполнением его материальными благами, но не людьми. Роль алкоголя повышается в приближении к ее правой границе.

§ 8. Другая ипостась «чужого» мира. Иномирие и ПК. В норме в полностью присвоенном мире повседневности алкоголь не используется, находясь под запретом. Его значение заметно возрастает в определенные периоды, когда свойственность мира предположительно отменяется. Прежде всего это периоды праздников, которые являются выходом в сакральное время первотворения и временем вступления человека в новую стадию социального бытия. Поскольку весь мир становился иным, то человеку приходилось самому входить в чуждое пространство, которое переворачивало, переопределяло многие стороны, свойства и проявления будничного мира.

Сфера иномирия – воплощение не просто чуждости, но инакости, отрицающей повседневную жизнь. В ней роль алкоголя исключительна и почти уникальна. При этом алкоголь не может быть единственным средством создания иномирия, так как подобная жесткая ограниченность не характерна для коммуникации, и любая культура предполагает использование целого ряда инструментов и способов передачи выработанных ею смыслов.

Вхождение в иномирие может осуществляться разными способами, в том числе при помощи пищи и алкоголя: (1) через вербальный уровень ПК; (2) через совокупность вербального и невербального уровней ПК.

§ 8.1. Взаимопереходы вербального и невербального уровней ПК. Пища, являясь основным способом поддержания телесности человека как создателя и хозяина «своего» мира, должна претерпеть какие-то изменения, чтобы стать пригодной для иномирия. «Свой» мир – это прежде всего воплощение нормы, в то время как иномирие девиантно во всем. Пища в нем меняет свою субстанциональную природу, нарушая или отменяя складывающуюся тысячелетиями практику, оформленную культурой как профанная часть ПТ: *Прямо кошку с шерстью съел бы, знаешь, какой аппетит появился!*

Нарушение ПТ может включать механизм и невербального проявления ПК. Например, южные славяне практиковали магическое поедание в Рождество запеченных воробьев. До наших времен дошел отголосок этого обычая: в русской ТК выпекают ритуальное печенье и булочки в виде птиц. В говорах Среднего Приобья оно известно под номинацией *жаворонки*, однако частотность этой единицы в речи старожиллов невелика, и коммуникативно выделенными оказываются описательные конструкции. Эта выделенность привела к процессу перехода ПК от периферии (поедания нетипичных объектов) к ядру (включению и языкового уровня) кода.

Возможен также вторичный переход к периферии, когда вновь работает только языковая часть кода. Например, его демонстрирует общерусское устойчивое выражение *съесть собаку на чем-либо* 'иметь опыт в каком-то деле, много знать о чем-то'. Поскольку в архаических и традиционных культурах собака связана с загробным миром и обладает способностью предвещать смерть, вхождение в этот мир через поедание собачьего мяса приобщало к вещим способностям собаки. Включение ПК привело к появлению номинации *собаку съесть* в синхронном значении 'познать до тонкости какую-либо науку, мастерство и т.п.' (*Собаку мы на этом съели, хорошо это теперь получается*), что объясняется представлением о приобретении «сверхнормативного» знания или умения через антиповедение, характерное для иномирия.

Нет большей степени присвоения знания, чем помещение внутрь себя – поедание. Язык объективирует подобную концептуализацию поглощения через выход за пределы проявлений обыденного мира с помощью выражений *хватить (хватануть), хлебнуть голоду (голодовки), горчаники, горького, горя, лиха, мурцовки, нужды, счастья*: *Сестре легче было, её шибко [хорошо] держали у дяди. Она нехватила горя; В сиротстве рос сын, горчаники мы с нимхватили обои; Да, в войну яхватила с ребятами мурцовки; Я и в колхозе хлебнул счастья: на постиньки проработал; Голодовки тут хлебнули в войну.*

§ 8.2. Вхождение в иномирие посредством вербального и невербального уровней ПК. Границы миров подвижны и меняются постоянно. При их пересечении любой объект оказывается нечистым, как всякий пришелец, чужак. Независимо от направления перехода результат оказывается одинаковым: либо сакральное уничтожит профанный мир, либо профанное может осквернить сферу сакрального, лишив ее специфических качеств или уничтожив совсем. Для предотвращения этого уже в рамках язычества были разработаны разнообразные очистительные ритуалы. Сакральное воспринимается не иначе, как нечто чуждое, неизвестное. Однако чтобы приобщиться к сакральному, очищали профанное – себя. С другой стороны, очищению может подвергаться и чужое. Здесь задействован механизм энантиосемии. Всякое новое, только что созданное (появившееся, возникшее), также чуждо привычному «своему» миру. Чтобы началось бытие нового объекта в «своем» мире, его нужно приобщить, очистив.

Профанное очищение вербализовано предикатами *мыть₁*, *вымыть*, *смыть*, *обмыться*. Субстанциональная природа объектов не отменяет необходимость профанного очищения нового: *Все дома родили с бабушками, сразу обмоет, и ребёночка, кладёт его к теплу; Молодой месяц нарожатся – значит дож. Обмыватся он; «Месяц народился».* – *«Наверно, месяц будет обмываться».* Ритуальное же очищение в среднеобских говорах описывается глаголами *мыть₂*, *погружать*, *спрыскивать*, *скупать*, *окупывать*, *курнуть*: *Так от на Крещенье в церкви крестили и меня крестили. Своих детей крестила не в церкви, а вот так бабка погружала; В баню пришли и невесту моют. А там её моют её подруги и приговаривают; Вот когда умрёт покойник, вымоют его. Которы моют, так хдмисты.*

Однако очищению должен быть непременно подвергнут и тот, кто соприкоснулся с «иным» миром. Подобный контакт с нечеловеческими началами несет вред для тела и грех для души: *Белый был [в маске покойника на святках], нельзя, чтоб не покупаться было [в Крещенье]. Господь, наверно, так велел, чтоб купаться.*

В современной ТК наиболее явно функционирует один из механизмов присвоения пришедшего из небытия объекта через алкоголь. Его роль верифицирована и посредством языка через предикат *обмыть / обмывать*. Помимо прямого значения глагол *обмыть* развил и метафорические значения – ‘сделать пригодным для присвоения’, а также ‘отметить важное событие’. Глубинная семантика этого процесса вновь связана с присвоением только что созданного или возникшего вещного или событийного фрагмента действительности: *Вот он получку обмыл. Утащиц [бутылку] у баушки; Обмывай, кода получку получишь, а я чё буду обмывать свою; Обмоем пенсию; То получку обмыть, то именины, то хрестьбины; Они едут с вином обмывать.* Итак, обмывание, то есть употребление алкоголя, – это один из защитных механизмов для стабилизации и охраны «своего» мира от разрушительного воздействия людей и объектов, пришедших из «иного» мира или из небытия.

§ 9. Разделение и структурирование «своего» и «иного» миров через ПК. «Свой мир», как и действительность в целом, – это концепт, не имеющий жесткой структуры. Его аспектация – условность, применяемая исследователями для удобства описания. В итоге ими выделяются прежде всего пространственная, темпоральная и акциональная оси «своего» мира.

Пространственная ось описана раньше и подробнее двух других (см. работы Ю.Д. Апресяна, А.К. Байбурина, Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, В.Н. Топорова, Е.В. Урысон, Е.С. Яковлевой и др.). Ее маркируют пища и алкоголь. Так, отличается пища городская / деревенская, домашняя / полевая (страдная), русская / чужеземная. Человек приобретает статус гостя, находясь в чужом для него пространстве, а значит, потребляет не «свою», а *гостиную* еду. Темпоральный аспект мира пища и алкоголь маркирует настолько обстоятельно, что здесь можно выделить больше оснований: (1) день / ночь, (2) пост / мясоед, (3) будни – праздник.

Остановимся подробнее на еще одном аспекте ПК.

§ 9.1. Акциональный аспект ПК в разделении и структурировании «своего» и «иного» миров. «Свой» мир представлен прежде всего обыденной действительностью с ее нормами, обязанностями. «Свое» воспринимается как обычное, каждодневное, вошедшее в привычку, вскрывающее сущность человека. Труд наряду с пищей – один из основных структурных элементов повседневности. Концепт *труд (работа)* относится к ядерным в концептосфере ТК. Неучастие в трудовой деятельности, которая не могла не быть прежде всего коллективной, в крестьянском социуме всегда оценивается негативно. Существуют все основания предполагать, что уклонение от работы предстает как отход (отделение) от «своего» мира.

Функционирующие в среднеобских говорах единицы *гулянка, гулево, гулѣж, гулѣна, гуляние, гульба / гульва, гульбище, гуляна* репрезентируют ситуацию, не вписывающуюся в рамки обыденной действительности, наполненной работой: *К Иван Александрычу-то можно сходить. Сѣдня там поди гуляют, наверно. Да уж как-а гульба-то, скоро праздники, май-то; Меня вот приглашали на гульбу. Куда [пойду]? Така больна.* Ядерным признаком концепта *гулянка* является признак ‘присутствие алкоголя’: *Во время гулянки винчишко выпивали, самогонку знали.*

В ценностной системе ТК место работы определяется тем, что она захватывает основную часть времени человека, поэтому свобода, незанятость воспринимается как праздник со всеми его характерными чертами – самозабвением, отсутствием границ, безудержным весельем, буйством. Это же состояние может достигаться (или усугубляться) посредством алкоголя. Неслучайно в диалекте устойчиво противопоставлены лексемы *гулять* и *работать, нить и работать*: *Мало работат, много гуляет – лодырь, гулеван, пьяница.* Свобода от работы приводит к тому, что человек, который *гуляет* (пьёт), оказывается отделенным и от «своего» мира, центром которого она является.

§ 9.2. Антиповедение как способ бытия в иномирии. Дискурсивные данные, формирующие и репрезентирующие концептосферу *алкоголь*, манифестируют мотивы отделения, отчуждения пьяного человека от норм «своего» мира, иными словами, мотивы антиповедения – поведения «наоборот»: *Всегда приносили рыбу [в подарок]. Ну, он кода трезвый, он не берёт деньги. А запьёт – хоть и... хоть возом давай деньги, дак возьмёт; Лазарь Степаныч! Ты как ворота-то в обратну сторону открыл [пьяный]?; Раз пьяный – чё-нибудь наоборот, нахулиганить, в плоху сторону;*

Кроме того, антиповедение трактуется в диалектном дискурсе как бездействие, когда человек «не делает» ничего или чего-то нужного (*Она поехала, да и он там натился пьяный и не повѣз её*), и как потребление (уничтожение), заменяющее созидание (*Она только зарабатывает, а он пропиват*). Пьяный отделяет себя и других от своего мира, демонстрируя: (1) безразличие к собственной жизни (*И брат удавился с пьянки*); (2) способность нанести вред окружающим людям, выбрасывая их из мира нормы, отчуждая от нормы тех, с кем соприкасается чужак (*Он теперь тоже, поди, без ноги останется. По пьянке какой-то на мотоцикле сшиб да испакостил мужика здорового*).

Единицы, описывающие денотативную сферу иномирия, вербализуют «плату», которую человек отдает за вхождение в него. Анализ лексической и фразеологической системы говорит, что инструментом проникновения в пространство чужого становится алкоголь, а платой – отказ от человеческой сущности. Она имеет многообразные проявления, которые обнаруживаются в функциях и признаках «своих» людей и с точностью до наоборот отрицаются «иным» миром. Этот мир отворяется после отрешения человека от социального, физиологического, интеллектуального начал (*Напьётся пьяна, суда придет пьяна, **лыку не вяжет**; Лежим с мнуком, зятек пришёл. Ну, ни тяти ни мамы [пьян]; Работают день, а вечером до упаду пьют; Истектел – **шцбко** пьяный напился; Он пьяный дурной*), предоставляет человеку возможность проникнуть в пустоту, являющуюся одним из основных конститутивных признаков иномирия, и заполнить ее, требуя при этом нарушения ПТ – употребления алкоголя в больших количествах, до предела – *в дрезину (в дрезинушку), в дужинку, в дым (в дымину), в уматинушку*. Это предопределяет превращение человека в нечеловеческую сущность (античеловека), репрезентируемую в говорах единицами *дикуша, чудной, блажной, черт, холера, нелюдь, свинья, собака, скотина*. Подчеркнем, что в дискурсе *собаке, свинье, скотине* регулярно приписывается не собственно животное, а лишь нечеловеческое в самых разнообразных проявлениях: *Моте-то полгода было [со дня смерти], справляла. А тем же пить надо. Надежда Константиновна пришла с Анатодем. Потом... Натоллил: «Ну-ко! Налей суды, стакан мне! Налей! Я выпью да пойду! Налей стакан, да выпью да пойду [отсюда]!»* – ну как всё равно пришёл, как собака.

Все описанные выше способы отказа от человеческого «закрывают» прежний мир: либо «свои» отодвигают чужака от себя навсегда через прямое физическое действие (*Пил у той-то жене, она его **выгнала**; Решили, что если товарищ Палкин будет замечен в пьянке, безо время будет снят с работы без правления колхоза*), либо он сам отделяется от них (*Она [жена] это, в **общем** ушла от него. Упивать стала и всё и... волей взялась и ушла; Он пил **шцбко** у ей, да нехороший характер у его худой, и он **разошёлся** с женой*).

§ 9.3. Предикаты употребления алкоголя как демонстрация антиповедения. Антиповедение проявляется также через: (а) проникновение или стремление проникнуть в иное пространство: *заглядывать в бутылку, залезть в бутылку, склать в бутылку, лежать в бочке*; (б) попытку изменить сущность привычного пространства, окружающего человека: *топить горе в вине, закладывать (заливать) вино [за воротник], вытягиваться в вино, вдаваться в вино*; (в) изменение человеческой телесности (поддерживаемой пищей) и ее свойств: *заливаться водкой, налить (залить) глаза, наваливаться на выпивку*; (д) превращение из субъекта в объект действия вещи: *бутылка заставила, рюмка сгубила, вино замотало, вино играет, хмельник задавил, поймало, башку разломило, пьянка заветкала*.

Ряд предикатов демонстрирует смешение семантики твердого (пищи) и жидкого (напитки): *жрать (нажраться), кушать, хлебать, наестся*,

насосаться. В своих первичных значениях данные глаголы сочетаются с номинациями пищи. Смена объекта действия актуализует сему 'чрезмерность действия'.

Язык и культура – два взаимообусловленных конструкта. Их изофункциональность проявляется в том, что они выступают посредниками между человеком и реальной действительностью. Человек воспринимает только то, что выделено и концептуализировано культурой и объективировано языком.

Итак, миромоделирование, закрепленное в языке, осуществляется и за счет определенных символов ПК. Они обозначают как конкретные, так и более абстрактные оппозитивные смыслы, которые вырабатывает любая культура. Велика роль ПК при означивании семиотической (семантической) оппозиции чрезвычайно высокого уровня абстракции «свой / чужой» мир.

В концептуализации данных областей действительности участвуют разные уровни ПК. На языковом уровне кода концептуальные области *хлеб* и *алкоголь* репрезентируют творение «своего» мира, только *алкоголь* – «ино-го». Внеязыковой уровень кода представляет подтверждение свойственности человека миру, включение в группу «своих» за счет потребления (поглощения) пищи (алкоголя), иными словами, в процессе трапезничания, которое он разделяет с другими, а также в процессе наделения пищей других.

Переход из «своего» мира в «иной» демонстрирует уже исключительную роль алкоголя и преворачивание ПТ. Сущностный признак «ино-го» мира, его ипостась, – отрицание, опровержение, отмена обыденной действительности, порождающей «свой» мир.

Человек равным образом является творцом обоих миров. Вместе с тем, их созидание осуществляется разными путями: «свой» мир человек создает посредством пищи и алкоголя, «иной» же – исключительно с помощью алкоголя. При этом в «своем» мире творец является субъектом действия, сохраняя активность, в «ином» – перестает им быть, становясь объектом деструкции. Другими словами, в «ином» – активность человека сводится к минимуму, и он сам подвергается разрушению. Это разрушение человеческих черт и проявлений становится своеобразной платой за вход в иномирие.

Следовательно, алкоголь является универсальным способом платы не только в «своем» мире (где с его помощью присваивают чужака), но и в «ином». Подчеркнем, что семантическая система языка не создала ни одного примера (лексического или фразеологического уровня), которые бы описывали деструктивную функцию зерна (хлеба).

В заключении подводятся основные итоги работы, а также намечаются дальнейшие перспективы исследования. Анализ исследуемого фрагмента ТК не может ограничиваться освещенными в данном диссертационном сочинении вопросами. Необходимо его дальнейшее изучение в свете этнолингвистической проблематики. Актуальным представляется использование в качестве эмпирической базы исследования большего объема данных других диалектных систем, литературного языка, возможно, других родственных языков. Это позволит выйти на уровень сопоставительного анализа

и сделать выводы об универсальности и национальной специфике означенного фрагмента.

Открытым для научного исследования с позиции этнолингвистики представляется изучение ПК во взаимодействии с другими кодами культуры, что открывает перспективы для дальнейшего всестороннего изучения концептуального пространства, связанного с пищей.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Устинова Н.А. Пищевой код как символизация пищевой традиции (на материале говоров Среднего Приобья) // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 333. – С. 28–32.

2. Устинова Н.А. Концептосфера «зерно» в традиционной культуре // Наука. Технологии. Инновации : материалы Всерос. науч. конф. молодых ученых. – Новосибирск, 2006. – С. 132–134.

3. Устинова Н.А. Актуализация семантики времени в номинациях пищи // Материалы XLIV Междунар. науч. студ. конф. «Студент и научно-технический прогресс»: Языкознание. – Новосибирск: НГТУ, 2006. – С. 9–11.

4. Устинова Н.А. Исследование фрагмента лексико-семантического поля «Пища» (на диалектном материале) // Материалы II региональной науч. студ. конф. «Дни науки». – Красноярск, 2007. – С. 112–116.

5. Устинова Н.А. Концепт «мясо» в традиционной культуре (на диалектном материале) // Научная сессия «IX Невские чтения». «Язык и культура – основа общественной связности» : материалы Междунар. науч.-практ. конф. – СПб., 2007 – С. 353–355.

6. Устинова Н.А. Концепт «свадебный пир» в традиционной культуре (на диалектном материале) // Материалы VII Росс. науч.-практ. конф. «Язык и мировая культура: Взгляд молодых исследователей». – Томск: Издательство Томского государственного университета, 2007. – С. 70–73.

7. Устинова Н.А. Концептосфера «зерно» (на материале среднеобских говоров) // Теоретические и прикладные аспекты современной филологии : материалы XII филол. чтений им. проф. Р.Т. Гриб. – Красноярск, 2007. – Вып. 7. – С. 232–238.

8. Устинова Н.А. Фрагменты семантического поля «Алкоголь» в ТК Среднего Приобья // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России : материалы II Междунар. науч. конф. – Абакан, 2008. – С. 141–145.

9. Устинова Н.А. Среднеобские словари как источник диалектной лингвокультурологии // Язык и общество: проблемы, поиски, решения : материалы Междунар. науч.-практ. конф. науч. сессии «X Невские чтения». – СПб., 2008. – С. 127–131.

10. Устинова Н.А. Концепт *рыба* в традиционной культуре (на диалектном материале) // Язык. Человек. Ментальность. Культура : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. – Омск, 2008. – С. 123–127.

11. Устинова Н.А. Этнолингвистические исследование пищевой традиции. К постановке вопроса // Актуальные проблемы литературоведения и лингвистики : материалы конф. молодых ученых. – Томск, 2009. Вып. 10. – С. 216–221.

12. Устинова Н.А. Пищевой код в традиционной культуре в этнолингвистическом аспекте // Актуальные проблемы современной науки : материалы Междунар. науч.-практ. конф. науч. сессии «XII Невские чтения». – СПб., 2010. – С. 103–108.

Подписано к печати 15.09.2011 г.
Формат 60х84_{1/16}. Ризография.
Бумага офсетная. Гарнитура «Times».
Тираж 100 экз. Заказ № 10.

Тираж отпечатан
в ООО «Издательство «ТМЛ-Пресс»
634050, г. Томск, ул. Советская, 33/9
тел./факс: (3822) 52-87-15
E-mail: tml-press@mail2000.ru

10~